Дни, прошедшие после отъезда лорда Старка, были мрачными и тревожными. Джон на неделю оказался прикован к постели, его навещали только мейстер Лювин, Робб и лютоволки. Наедине со своими мыслями настроение Джона становилось все более торжественным. Его мысли обращались к Стене, Станнису, Валу, Сэму... ко всем братьям, которых он оставил, и к предательству, которого он так и не увидел, затаившись в тени. Сны были еще хуже. Джону снилось, как Игритт падает, ее тело пронзают стрелы. Ему снилась голова отца, катящаяся по ступеням Великой септы Бейелора. Ему снились зимние розы, осыпающие Стену. А больше всего ему снился неотвратимый огонь, который поднимался на юге и устремлялся на север, пока Джон не оказался зажатым между стеной серебристо-голубого льда и стеной черного огня, и он проснулся в лихорадочном поту.

Единственным светлым днем в его существовании в этом новом мире был день, когда Арья, Робб и Миккен принесли ему дар короля. Его принесли за день до отъезда короля и его нового десницы в столицу. Король Роберт заказал для него простой стальной длинный меч с рукоятью из мягкой кожи и удобной рукоятью. При извлечении из ножен клинок сладко звенел. Меч сразу понравился Джону, и он назвал его "Свитсингер". Арья считала, что это глупое имя, и требовала, чтобы Джон изменил его, но Джон держался твердо. Робб сказал, что оно звучит неплохо.

На следующее утро он вручил ей простой клинок, который он заказал у Миккена, и она назвала его "Игла". Она нежно обняла его, и Джон прижался к ней с непролитыми слезами на глазах. Все, что он хотел сказать, застряло у него в горле.

Когда лорд Старк пришел к нему в комнату, чтобы попрощаться, Джон сказал ему, чтобы он был осторожен, сказал, что Столица - небезопасное место, и чтобы он держал свою охрану поблизости. Это было ошибкой - говорить такие вещи. Лорд Винтерфелла смотрел на него с сердитым, настороженным выражением лица, которое говорило обо всем. Он был лордом, а бастарды не должны снисходить до своих отцов. Они ушли на еще более худших условиях, чем Джон мог себе представить.

Как только мейстер подготовил его к прогулке, Джон поднялся и стал качать Свитсингера на тренировочном дворе. Сир Родрик убеждал его тренироваться медленно, и это было непросто. Самым большим испытанием было преодоление боли и привычки к спине. Каждый день он рисковал раздражать свои раны, но не мог остановиться. Джон был уже разочарован недельным отдыхом и перегружен заботами. Ему нужно было помахать мечом. Ему нужно было снова почувствовать себя полезным.

Его юношеское тело было еще более грузным, чем он помнил, и ему не терпелось повторить старые упражнения сира Аллисера. По утрам Джон спарринговался с Роббом, Теоном и даже с самим мастером-оружейником. Поначалу это было мучительно, но уже через месяц Джон мог неоднократно уложить сводного брата на спину, чем Робб был не слишком доволен, но Теон находил это очень забавным.

Сир Родрик был озадачен внезапным трехкратным улучшением. Джон стал изгоем двора, где проводились спарринги. Старый рыцарь мог объяснить это только внезапным рвением, которое появляется, когда человек сталкивается со смертью. Стражники шутили, что Джон Бастард не хочет, чтобы его снова застали в ночной одежде, но иногда, когда Джон убирал

позаимствованный турнирный меч или ломался, чтобы вытереть пот со лба, он замечал, что мужчины смотрят на него с чем-то сродни трепету. Сир Родрик относился к нему с большим вниманием, чем раньше, и вместо обычных критических замечаний и комментариев по поводу стойки и замаха сир Родрик просто позволил Джону драться. Песня Свитсингера опьяняла. Серебристое пятно в его руках. Джон сплел смертельный танец и с каждым ударом представлял, что перед ним враги, которых он так отчаянно хотел убить. Другими.

Утренняя слава Джона была недолгой. Весь остальной день он танцевал под дудку приказов леди Кейтилин.

"Ты, вычисти конюшни".

"Ты, пополни запасы в кладовой".

"Помоги повару приготовить индейку для сегодняшнего ужина".

"Ты, очистить Высокую башню".

Ты. Ты. Ты. Никогда Джон. Леди Кейтилин даже не опускалась до того, чтобы называть его бастардом, как это делали все остальные, когда его не было в пределах слышимости. Джон Младший особенно обижался на это оскорбление и был известен тем, что выходил из себя, когда его провоцировали добрым коротким "бастард!", но Джону Старшему было не так уж и важно это оскорбление. Как лорду-командующему, Джону не оставалось ничего другого, как подставить другую щеку недоброжелателям и злопыхателям. Сделай это своей броней, сказал гном, и теперь Джон видел в этом мудрость.

Поэтому, когда леди Кейтилин с ненавистью в глазах сказала "ты", Джон молча повиновался.

Во время выполнения этих заданий Джон всегда находил время для размышлений и заговоров. Вычищая конюшни, он думал о том, как предотвратить надвигающуюся катастрофу на Стене. Возможно, ему удастся как-то предупредить отца о грядущих событиях. Если на Севере будет сильный лидер, у Вестероса будет больше шансов противостоять нашествию Белых Ходоков. Джон подумывал о том, чтобы отправиться на юг, потом - на север, но так и не пришел к решению. Иногда он подумывал о том, чтобы обратиться к Сэмвеллу или к Джеору Мормонту. Может, написать мейстеру Эйемону? Но нет, зачем им слушать бастарда Неда Старка, который никогда не был на Стене? Сэм даже не знал его имени.

В итоге Джон остался один на один со своим заговором и нерешительностью. Как мог один бастард изменить ход будущего?

Джон резко чихнул. Пыль, покрывавшая его грудь и руки, поднялась, опустилась и снова осела на нем. Он проклял пустую комнату.

Вытерев руки о грязные черные брюки, Джон оглядел открывшуюся перед ним картину.

Высокая башня не была такой ветхой, как Сожженная, но она была переполнена ненужными вещами. В ней больше не жили жители Винтерфелла, и она пришла в запустение и упадок. В настоящее время Джон расчищал самую высокую комнату Высокой башни. Когда он только прибыл сюда, дверь была заперта и покрыта паутиной. Через час с помощью двух человек ему удалось открыть дверь, и сейчас он пробирался через кучу хлама.

К настоящему времени Джон нашел стол в рабочем состоянии, два ржавых затупившихся клинка для турниров, матерчатый знак Рыцаря Смеющегося Дерева (по мнению Джона, весьма эффектная находка), четыре торцевых столика из грубого дерева и серебряную статуэтку волка с вделанными сапфировыми глазами. Когда-то он представлял себе, что это чьи-то сокровища, но, похоже, никто не заглядывал в эту комнату лет десять-двадцать.

Работа была медленной и утомительной. Хотя от Джона требовалось составлять опись на небольшом клочке бумаги, вчера он отстал от графика и с тех пор не следил за товаром. Леди Кейтилин, несомненно, была бы недовольна, но она ничего не сказала. Она не любила с ним разговаривать.

Его внимание привлек небольшой резной сундучок в углу. Он покоился под однобокой кроваткой со сломанными ножками, но в его цвете было что-то интересное.

Джон обошел кучу валявшихся книг и опустился на колени, чтобы достать его. Переполох вызвал переполох среди пауков, которые сердито разбежались.

"Что это у нас тут?" пробормотал Джон про себя. Призрак, охранявший вход на лестницу, навострил уши и с любопытством посмотрел на ящик. "Если это сокровища, то я куплю тебе прекрасный ошейник, друг мой".

http://erolate.com/book/3905/107947